

WS второй год подряд умудрились попасть в новости из-за промо-фото. В этом году — и вовсе в тренды.

Чжан Чжиян глубоко вздохнул, подавляя раздражение, и постучал в дверь Сун Цинсюя.

Дверь быстро открылась. Сун Цинсюй стоял с полотенцем на шее, с волос ещё капала вода. Он лениво поднял глаза:

— Что в такую рань?

Чжан Чжиян покосился на его мокрые волосы. Лицо стало чуть серьёзнее:

— Ты Weibo не смотрел?

— Что опять стряслось?

Сун Цинсюй отпустил дверную ручку, вернулся к кровати и взял телефон. Экран вспыхнул, и в глаза бросился заголовок из трендов.

#У Сун Цинсюя поплыло лицо

Он уставился на экран. Губы дёрнулись.

— Это вообще что?

Перешёл по ссылке, раскопал исходный пост на форуме. Просмотры уже перевалили за несколько сотен тысяч.

[Я ещё несколько месяцев назад говорил, что у него искусственное лицо. Так его фанатки-дуры меня несколько дней травили]

[Это пластика или ему энергию высосали?]

[Это вы на что намекаете — что он у Чжоу Цзина жизненную силу тянул? Рядом с Сун Цинсюем Чжоу Цзин вечно выглядел как чучело, а теперь без него — и похорошел]

[Без разницы, мамочки-фанатки всё равно будут умиляться на своего сыночка. Слепая любовь]

[Ну да, когда все хвалят — тоже вы, а теперь «лицо поплыло» — тоже вы]

[Наверху, хватит жадничать, деньги надо делить на всех]

[Да и пусть! А мне-то что? На чемпионате мира в четвертьфинале вылетел — не он? Не тренируется, не думает о реванше, только и делает, что в трендах торчит. Да я имею полное право его ругать!]

[Интересный факт: Сун Цинсюй — жидкий понос, играет вонюче, если бы не Чжоу Цзин, WS вообще не вышли бы в четвертьфинал]

...

Сун Цинсюй быстро пробежал глазами: комментарии его фанатов систематически заминусовывались или удалялись по жалобам, а откровенно лживые обвинения множились.

Он сказал себе: все эти безмозглые крикуны храбры только в интернете. В реальной жизни они тише воды ниже травы. Нет ни малейшего смысла злиться из-за их слов.

Только неудачники по жизни самоутверждаются за счёт травли других.

Чжан Чжиян стоял в ногах кровати, голос напряжённый:

— Нужно делать опровержение. У тебя есть свежие селфи? Скинь мне одно.

— Что ты вечно с этими селфи? — Сун Цинсюй отложил телефон. — Я не люблю селфи. Нет.

— Ладно, тогда стой, не двигайся, я тебя сфоткаю.

Чжан Чжиян наставил на него камеру. Он пришёл в менеджмент из тим-лидеров; до появления Сун Цинсюя ему и раза в год не приходилось разруливать подобные истории.

Сун Цинсюй с обречённым видом позволил сделать несколько кадров:

— Люди говорят, что я некрасивый, а ты в ответ выкладываешь фото, мол, нет, красивый. Ты не слишком прямолинейно действуешь? Что сказали в фотостудии?

— Я с утра им звонил. Они тоже проверяют. Я в тот день лично присутствовал на всей съёмке и точно не видел этих кадров.

Сун Цинсюй холодно усмехнулся:

— Потому что эти фото вообще не фотограф делал. Просто ракурс похожий. Пусть проверят записи камер наблюдения.

За дверью послышались размеренные шаги — Тан Хуай. Только что вернулся с пробежки, от него ещё веяло холодом. Увидел напряжённую атмосферу в комнате и приподнял бровь:

— Что случилось?

Сун Цинсюй покосился на него. В голосе проскользнуло невольное раздражение:

— Опять в трендах. За последние два месяца я попадал в тренды чаще, чем поп-звёзды. Может, мне вообще бросить киберспорт и пойти в шоу-бизнес.

Капля воды скатилась с кончика волос, скользнула по шее Сун Цинсюя и исчезла за воротником. Тан Хуай это заметил.

Чжан Чжиян в двух словах объяснил ситуацию.

Тан Хуай выслушал и нахмурился:

— В тот день Чжоу Цзин тоже был там. Это опять не его рук дело?

— Я давно знаю, что Чжоу Цзин меня терпеть не может.

Сун Цинсюй сел на кровать и провёл полотенцем по мокрым волосам.

— Когда я впервые снялся в рекламе, вместе с несколькими знаменитостями, Чжоу Цзин увидел закулисные фото. Он не просто считал меня паразитом WS — он решил, что я зарабатываю лёгкие деньги на внешности.

Чжан Чжиян с горечью вздохнул:

— Вообще-то поначалу он таким не был.

— Потому что вы не вызывали у него зависти, — спокойно произнёс Тан Хуай, попав в самую суть.

Чжан Чжиян и сам это понимал. Просто не мог не посочувствовать.

Он посмотрел на фото в телефоне: одно размазано, на другом Сун Цинсюй моргнул.

— Мне нужно съездить в студию. Когда вернусь, нормально тебя сфотографирую.

Тан Хуай вдруг сказал:

— У меня есть одно фото. Скинуть?

Чжан Чжиян не стал задумываться, зачем у Тан Хуая фотография Сун Цинсюя:

— Давай. Если подойдёт — мне меньше мороки. Я побежал. А ты тут... утешь как-нибудь Сяо Суна.

Больше ничего не добавил, покачал головой и ушёл.

Сун Цинсюй не хотел, чтобы кто-то подумал, будто между ним и Чжоу Цзином есть ещё какие-то связи, и сразу отрезал:

— Не надо. Я не ребёнок, которого нужно утешать, чтобы он успокоился.

Тан Хуай тихо усмехнулся. Медленно опустил на корточки перед Сун Цинсюем. В вытянутых глазах — тёплая, мягкая нежность.

— А я хочу утешить. Дашь мне шанс?

Сун Цинсюй, при всей досаде, ощутил маленький укол радости. Как бы то ни было, чувствовать, что кого-то ты по-настоящему заботишь, — приятно.

Уголки его губ помимо воли поползли вверх. Он фыркнул с напускной надменностью:

— Правда не надо. Что бы он ни делал, мне не обидно. Потому что я никогда ничего от него и не ждал.

— Цинсюй, ты сейчас оправдываешься передо мной?

В этом положении, чтобы смотреть Тан Хуаю в глаза, Сун Цинсюю нужно было чуть наклонить голову.

Но Тан Хуай был слишком близко. Стоило опустить взгляд — и расстояние между ними становилось таким, что от поцелуя его отделяли считанные сантиметры.

Сердце сжалось. Сун Цинсюй инстинктивно отвернулся:

— С чего мне оправдываться? Я просто говорю как есть.

Тан Хуай подался ещё ближе — движение привычное и отточенное, будто отрепетированное тысячу раз. Сун Цинсюй почувствовал, как его сердце положили на качели — и Тан Хуай с каждым движением подбрасывал его всё выше.

В голове стало шумно. Ему показалось, что последняя фраза вышла неловкой. Чжан Чжиян уже ушёл. В комнате — только они двое.

— Это я ещё не начал допрос, — Сун Цинсюй попытался сменить тему. — Сколько фотографий ты сделал? Зачем фотографировал? Кроме того дня — когда ещё снимал?

Старая истина: не хочешь отвечать на вопрос — задай другой. Тан Хуай сам подставился, сам проговорился — пусть теперь и расхлёбывает.

Тан Хуай упёрся ладонями в край кровати по обе стороны от Сун Цинсюя, полностью замкнув его в кольцо своих рук.

Лёгкий запах геля для душа коснулся Сун Цинсюя. Он узнал этот запах мгновенно — Тан Хуай пользовался тем же средством ещё в старшей школе.

— Так много вопросов, Цинсюй. Ответу по одному, — сказал Тан Хуай.

Мысли Сун Цинсюя рывком вернулись на место. Он вынужденно посмотрел Тан Хуая в глаза.

Тан Хуая это рассмешило:

— Не считал, сколько фотографий. И никакого «зачем» — просто когда ты красивый, я фотографирую. А значит — каждый раз, когда ты мне кажешься красивым.

В голове у Сун Цинсюя загудело.

Всё тело натянулось как струна. Голос Тан Хуая был слишком мягким, слишком... будоражащим. В памяти внезапно вспыхнуло — его первый визит к Тан Хуая домой.

Это было в выходные. Тан Хуай позвал Сун Цинсюя к себе.

За школьными воротами нужно было пройти пару сотен метров направо до автобусной остановки. Остановка уже показалась, но Тан Хуай и не думал замедляться. Сун Цинсюй потянул его за рукав:

— Мы разве не здесь садимся?

— Тебя же укачивает? Зимой в автобусе душно и воняет. Дойдём до перекрёстка, поймает такси — там можно открыть окно, будет полегче.

Укачивало Сун Цинсюя несильно — он тогда упомянул об этом вскользь. Но Тан Хуай запомнил.

На перекрёстке машин было больше, поймать такси — проще. Не прошло и двух минут, как рядом остановилось жёлтое такси.

Тан Хуай открыл заднюю дверь. Сун Цинсюй потянулся к переднему пассажирскому, но Тан Хуай перехватил его за руку:

— Садись со мной назад.

Сун Цинсюй было всё равно где сидеть. Он нырнул на заднее сиденье, приоткрыл окно — и тут же водитель подал голос:

— Зимой окно открывать? Холодно же!

Сун Цинсюй вздрогнул, растерянно уставившись на Тан Хуая.

Тан Хуай спокойно опустил стекло со своей стороны и сказал водителю:

— Езжайте плавно. Нас укачивает.

Больше водитель ничего не сказал.

Сорок минут ровной езды — и они были у подъезда.

Квартира Тан Хуая оказалась большой и пустой. На некоторых предметах мебели даже не была снята заводская плёнка — выглядело как дизайнерский шоурум.

Тан Хуай достал новые тапочки для Сун Цинсюя и коротко объяснил:

— В холодильнике есть напитки, бери когда хочешь. Газ не подключён, готовить не могу. Хочешь поесть — закажу из ресторана.

Сун Цинсюй посмотрел на него:

— А я думал, ты сам готовишь.

Тан Хуай опустил глаза:

— Немного умею. Хочешь — сейчас сделаю.

— Нет, — поспешно отказался Сун Цинсюй, зная собственную привередливость. — Вдруг невкусно — только время потратим. Закажи что-нибудь.

Тан Хуай слабо улыбнулся:

— Вряд ли будет невкусно. Но дома нет продуктов, доставка быстрее.

Ресторан оказался рядом. Привезли быстро, хозяин ещё и бонусом добавил тарелку закусок. После обеда Тан Хуай устроил Сун Цинсюя в комнате по соседству и выдал ему новый набор для умывания.

Доставая его, Сун Цинсюй заметил: Тан Хуай взял всё не из шкафа, а из картонной коробки.

Тогда ему показалось это странным. Понял он только в душе: Тан Хуай здесь не жил — он здесь останавливался. Как в гостинице.

На следующий день, ближе к вечеру, они вдвоём устроились на двухместном диване в его комнате и играли в кооп.

Сорок минут напряжённой битвы — победа. И случайно побитый рекорд.

Сун Цинсюй в восторге швырнул геймпад и бросился на Тан Хуая, размахивая руками:

— А-а-а, выиграли, выиграли!!! Я же говорил! Ну скажи, скажи — я крутой?!

Тан Хуай уверенно поймал его, как привык, — подтянул сползший ворот его кофты на место, голос абсолютно спокойный. Но кончики ушей горели алым.

— Крутой. Сюй-бог — самый крутой. Только осторожнее, не свались.

Зимнее послеполуденное солнце лилось через окно, ложилось на них обоих, тёплое и ленивое — такое, от которого невольно опускаешь все щиты.

Сун Цинсюй застыл, глядя на Тан Хуая. В его тёмных зрачках сейчас был только он — один.

Победная мелодия игры постепенно истаивала, а другой звук — гулкий, как барабанная дробь — становился всё громче.

— Слышишь? — спросил Тан Хуай.

Голос мягкий, как сахарная вата, тягучий и сладкий. Сун Цинсуй не смог устоять — и в оцепенении кивнул. Необъяснимый порыв нахлынул, смёл остатки разума и унёс их прочь.

Сун Цинсуй наклонялся к нему — медленно, по миллиметру. Не осмелился коснуться губ — только щеки.

Поцелуй, лёгкий как пёрышко. Он не успел ничего в нём почувствовать, когда закрытая дверь вдруг распахнулась.

— Вы... вы что делаете?!

Сун Цинсюя резко оттолкнули. Он чуть не рухнул на пол. В голове — звон. Он сгорал от стыда. Отпрыгнул в сторону, опустил пунцовое лицо и пробормотал:

— Здравствуйте, дядя. Я одноклассник Тан Хуая, Сун Цинсуй.

Тан Хуай потянул его за рукав, сунул ему рюкзак. Лицо — ровное, голос — ледяной. Тот живой, тёплый человек секунду назад будто был иллюзией.

— А-Суй, возвращайся в школу. Увидимся там.

— Хорошо... ладно. Тогда я буду тебя ждать.

На следующий день Сун Цинсуй отсидел один урок. Тан Хуай не появился. Вместо него пришёл Тан Чжэньпин и устроил скандал в учительской.

Он смотрел на Сун Цинсюя так, будто хотел его сожрать живьём.

— Мой сын не гомосексуалист! Этот ваш Сун — развратник, кто знает, что за семья его воспитала! Школа обязана мне ответить!

Сун Цинсуй побелел как мел. Ему и в голову не приходило, что его когда-нибудь будут обвинять в таком. Стыд захлестнул его целиком, и он не смог выдать ни слова в свою защиту. Только опустил голову и извинился:

— Простите. Но я правда никого не соблазнял. Мои чувства к нему — настоящие.

— Настоящие? — Тан Чжэньпин расхохотался, будто услышал лучшую шутку в жизни. — Ты в своём возрасте вообще знаешь, что такое «настоящие чувства»? Если ты совратишь моего сына — я тебе этого не спущу!

Классная руководительница вмешалась:

— Родитель Тан Хуая, оба ребёнка — подростки. То, что у них возникают такие порывы, — абсолютно нормально. Наша задача как взрослых — направлять их. Пожалуйста, успокойтесь, давайте обсудим всё спокойно.

Тан Чжэньпин и не подумал:

— Не надо мне тут мирить и мазать! Я вам говорю — этот вопрос должен быть решён сегодня!

Классная помедлила и добавила:

— Сяо Сун — хороший мальчик. И даже если бы здесь был кто-то виноват — а виноватых здесь нет, — мы не можем что-то решать без Тан Хуая, выслушав только вашу версию.

Эти слова стали зонтом посреди ливня — укрыли промокшего насквозь Сун Цинсюя. Он с благодарностью посмотрел на учительницу и тихо сказал:

— Спасибо, учитель.

Она хотела заслонить его собой, но Сун Цинсюй покачал головой.

Собрал всю оставшуюся храбрость и в последний раз спросил Тан Чжэньпина:

— Где Тан Хуай?

— А тебе-то что?! Ты мужик — у тебя что, лица вообще нет?!

Классная:

— Родитель Тан Хуая, Сяо Сун готов к сотрудничеству, но и мы должны уважать его позицию. Это школа. Если вы продолжите в таком тоне, мы вызовем полицию.

Сун Цинсюй посмотрел на учительницу и завуча. Каждое слово — как удар молотка, бесповоротное:

— Я хочу перевестись. Сегодня. Прямо сейчас.

Он больше не мог. Ему тоже было стыдно. Тан Хуай так и не появился — ни вчера, ни сегодня. Он не мог ждать. И не хотел.

Учительница хотела что-то сказать, но подумала: по школе наверняка уже ползут слухи. Если оставить Сун Цинсюя здесь, последствия для его психики могут быть необратимыми.

Она вздохнула:

— Тогда иди, собери вещи. Я провожу тебя до вокзала, а с формальностями я свяжусь с твоими родителями.

— Не надо. Ничего не нужно. Я уйду так. Сам.

Он через силу улыбнулся.

Полез к парню — а его отец пришёл в школу и устроил скандал. Ещё и подставил учителей. Совесть и стыд переполняли его; он и мысли не допускал, чтобы ещё кого-то утруждать.

<http://bllate.org/book/18105/1736391>